

УДК 811.161.1'42

**О целесообразности спецкурса по лингвоимагологии в системе
подготовки филолога и журналиста**

Иванова Л. П.

*Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова
(г. Киев)
lupiv@mail.ru*

В статье обосновывается целесообразность курса лингвоимагологии в подготовке современных филологов и журналистов. Объект лингвоимагологии – вербальное воплощение образа народа или страны в языковом сознании представителей другого народа или страны. Предмет – оценка, стереотипы, прецедентные феномены, паралингвистическая ситуация, исторические события и их участники и др. Материалом служат эпистолярный, мемуары, художественные тексты. Методы – описательный и сравнительный. В качестве примера анализируется видение городов Европы (прежде всего Италии) Н. С. Гумилевым, что является вариантом национального восприятия – инварианта.

Людам во все времена был интересен мир дальних стран и народы, в них живущие. Чтобы закрепить свои впечатления, писались дневники, заметки, слагались стихи. Одним из первых произведений такого рода было «Хождение за три моря Афанасия Никитина». Не остались в стороне представители других видов искусств: музыканты (Бородин, Римский-Корсаков и др.) художники (Верещагин, Иванов и мн. др.).

В современном все более глобализирующемся мире благодаря развитию науки, техники, средств связи народы стали ближе друг другу, поэтому закономерно возникают вопросы: Какие мы? Как нас видят другие? Что за народы и страны нас окружают? Ответы на данные вопросы призвано дать новое направление языкознания – лингвоимагология.

Указанное направление восходит к имагологии – области сравнительного литературоведения, изучающего имидж (отсюда термин имагология) одного народа и страны в глазах другого народа и страны. Как правило, такое изучение должно быть зеркальным, например, фундаментальный труд В. В. Орехова носит название «Миф о России во французской литературе первой половины XIX века» (Симферополь, 2008), в приложении приводится подстрочный перевод поэмы В. Гюго «Мазепа» и Э. Дибро «Ты помнишь ли?».

Всякий образ, в том числе и народа, обязательно вербализируется, что дало основание для создания лингвоимагологии. Согласно канонам наукологии, направление имеет право на существование, когда у него есть собственный объект, предмет и метод.

Объект лингвоимагологии – вербальное воплощение образа народа или страны в языковом сознании представителей другого народа или страны.

Может возникнуть вопрос о том, насколько репрезентативны данные, извлеченные из произведений одного автора. В данном случае есть смысл обратиться к теории инварианта и вариантов (В. М. Солнцев). Индивидуальное видение – это вариант,

в котором воплощен инвариант – видение народа, к которому принадлежит автор. Не случайно великий В. фон Гумбольдт подчеркивал, что мировоззрение народа складывается из мировоззрений составляющих его индивидов, а эта общность обусловлена прежде всего общим для всех языком.

С другой стороны, Н. В. Гоголь утверждал: «... истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. Поэт может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своей национальной стихии, глазами своего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами» [2; 34-35].

В качестве иллюстрации данного положения рассмотрим фрагмент рассказа И. А. Бунина «Кавказ».

«Вот к нашему освещенному окну сбежалась целая стая их [чекалок – Л. И.], – они всегда сбегаются в такие ночи к жилью, – мы открыли окно и смотрели на них сверху, а они стояли под блестящим ливнем и тьякали, просились к нам... она радостно плакала, глядя на них» [1; 16]. Отметим: у В. И. Даля, И. А. Бунина чекалками именуются шакалы. Известно, что шакал – самое презираемое животное на Кавказе, сравнение с ним для горца оскорбительно, поэтому никто из жителей Кавказа не будет умиляться до слез, глядя на шакалов.

В следующей цитате отражается взгляд русского человека на типичный кавказский быт: «Назад я проходил по знойному и пахнущему из труб горящим кизяком базару нашей деревни: там кипела торговля, было тесно от народа, от верховых лошадей и осликов, – по утрам съезжалось туда на базар множество разноплеменных горцев, – плавно ходили черкешенки в черных длинных до земли одеждах, в красных чувяках, с закутанными во что-то черное головами, быстрыми птичьими взглядами, мелькавшими порой из этой траурной закутанности» [1; 15].

В описании используется ряд привычных экзотизмов: кизяк, чувяки, черкешенки, однако селение названо по-русски деревней, одеяние черкешенок обозначено самым общим родовым названием одежда, головы их закутаны во что-то черное, местоимение указывает на неопределенность номинации. Черное убранство как траурное воспринимается не кавказцем (там этот цвет одежды, скорее всего под влиянием ислама, традиционен). Обращает на себя внимание уменьшительно-ласкательный суффикс -ик- в слове ослик: русскому человеку жалко маленькое животное, которое, в соответствии с кавказскими обычаями, перевозит большие грузы. «Быстрые птичьихи взгляды» черкешенок – характеристика скорее положительная, потому что сравнение с птицей в русской мифологии, русском национальном сознании не может быть отрицательным, так как птица связывается с душой человека, которая отлетает после его смерти и возвращается к живым в виде птицы.

Что же может быть инвариантным в такого рода описаниях? Мы рассмотрели тексты самых разных русских авторов в разные отрезки времени (от Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина и до наших дней), что дает основание утверждать: взгляд русского человека на разные страны и народы неизменно заинтересованный и доброжелательный, обязательно присутствует элемент сравнения с жизнью отечества. Неизменно чувство собственного достоинства. Так, А. С. Пушкин пишет о русском крестьянине: «Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи? О его смелости и смысленности и говорить нечего. Переимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны. Путешественник ездит из края в край России, не зная ни одного слова по-русски, и везде его понимают, исполняют его требования, заключают с ним условия. Никогда не встретите вы в нашем народе того, что французы называют un badaud (ротозейство – фр.), никогда не заметите в нем ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому. В

России нет человека, который бы не имел собственного жилища... Наш крестьянин опрятен по привычке и по правилу: каждую субботу ходит он в баню, умывается по несколько раз в день» [5; 396]. Такая опрятность не была присуща даже высшему свету Запада того периода.

Обратимся к предмету лингвоимагологии. Прежде всего, это оценка (все ее виды, на первых порах – логическая). Приведем примеры из поэзии Н. С. Гумилева. Оцениваться могут *архитектурные сооружения* (о соборе в Падуе: «Да, этот храм и дивен и печален, Он – искушение, радость и гроза»), *представители этносов* («Свирепый гунн»), *выдающиеся личности* («Пускай велик небесный Рафаэль, Любимец бога скал, Буанаротти, Да Винчи, колдовской вкусивший хмель, Челлини, давший бронзе тайну плоти»), *страна в целом* («Судьба Италии в судьбе Ее торжественных поэтов»), *ее животный мир* («И пошла... Посмотреть ручного кенгуру. Он срывал пучки смолистых игол, Глупый, для чего-то их жевал И смешно, смешно ко мне запрыгал И еще смешнее закричал»), *ландшафт* («Здравствуй, Красное море, акуля уха, негритянская ванна, песчаный котел!»), *растения* («Снова увидим священные пальмы»).

Предметом анализа могут быть *стереотипы* («И нежные задумчивые леди»; «Кровь лиловая немцев, голубая – французов, и славянская красная кровь»), *прецедентные феномены* (имена (Наполеон), события (Великая Отечественная война), высказывания («Хотели как лучше, а вышло как всегда»)), *паралингвистическая ситуация, исторические события и их участники* («А вы, королевские псы, флибустьеры»), *легенды* («Не правда ль, ты их любила [волчица Ромула и Рема – основателей Рима] Как маленьких, встарь...»), *целые континенты*.

Рассмотрим, как представлена Европа в творчестве Н.С.Гумилева (по степени упоминаемости): 1) города (14), 2) выдающиеся личности (8), страны (7), люди (4), водоемы (4), национальности (3), острова (2), вулканы (1), регион (1). В данной статье обратимся к наиболее упоминаемой группе – городам.

За исключением Константинополя, только половина которого находится в Европе, все остальные города итальянские. Прежде всего это Рим (4 уп.). С одной стороны, это «город, как солнце» (в русском языковом сознании оценка абсолютно положительная), с другой стороны – у него звериная сущность, с третьей – святые и грешные папы: «Ромул сказал: «Здесь будет город». «Город, как солнце», – ответил Рем» [3, с. 94]; «Я праздную день мой в веселой столице!» [3, с. 169]; «Не правда ль, ты их любила (волчица Ромула и Рема – Л. И.), Как маленьких, встарь, когда Рыча от бранного пыла, Сжигали они города... Волчица, твой город тот же...», «И город цезарей дивных, Святых и великих пап, Он крепок следом призывных, Косматых звериных лап» [3, с. 197]; «Причудливей, чем Рим при грешных папах» [3, с. 340].

Венеция (1 уп.) видится традиционно: волшебство, красота: «Город, как голос наяды, В призрачно-светлом былом, Кружев узорней аркады, Воды застыли стеклом» [3, с. 192].

Сиена, Каррара славны своим мрамором – материалом для прекрасных скульптур. Сиена (1 уп.): «О, янтарный мрамор Сиены!» [3, с. 200]. Каррара (1 уп.): «И молочно-белый (мрамор – Л. И.) Каррары» [3, с. 200].

Сиракузы (2 уп.) известны бронзовыми памятниками и вином: «Сквозь бронзу Сиракуз Глядится надменный облик муз» [3, с. 165]; «Петроний, ты морщишься? Будь я повешен, коль ты недоволен моим сиракузским!» [3, с. 169].

Русский поэт восхищен архитектурой итальянских городов.

Падуя (1 уп.): «Готические башни, словно крылья, Католицизм в лазури распростер!» [3, с. 208]. Обратим внимание на веротерпимость автора: католицизм, несмотря на традиционно сложные его отношения с православием, никак не оценивается, чего не скажешь о папах.

Генуя (1 уп.): «В Генуе, в палаццо дождей Есть старинные картины, На которых странно схожи С лебедями бригантины» [3, с. 217] – приморский город привлекает поэта живописью, связанной с морем.

Болонья (1 уп.) – университетский город, пронизанный наукой, любовью и весельем: «Нет воды вкуснее, чем в Романье, Нет прекрасней женщин, чем в Болонье, В лунной мгле разносятся признанья, От цветов струится благовонье» ... «И они придут до света С мудрой думой о Юстиниане К темной двери университета, Векового логовища знаний» ... «Старый доктор... Но и он порой волочит ноги По веселым улицам Болоньи» [3, с. 220].

В Неаполе (1 уп.) прекрасный старинный собор и неизменная грязь: «Как эмаль, сверкает море, И багряные закаты На готическом соборе, Словно гарпии, крылаты; Но какой античной грязью Полон город» [3, с. 222]; «Пахнет рыбой, и лимоном, И духами парижанки!» ... «А за кучею навоза Два косматых старика режут хлеб...», «Где засела малярия С желтым бешеным лицом» [3, с. 223].

Константинополь (1 уп.) портовый город, хранящий, тем не менее, мусульманские традиции: «Еще близ порта орали хором Матросы, требуя вина, А над Стамбулом и над Босфором Сверкнула полная луна. Сегодня ночью на дно залива Швырнут неверную жену, Жену, что слишком была красива и походила на луну» [3, с. 146]. Несоответствие топонимов объясняется тем, что в тексте говорится о Стамбуле, стихотворение же называется «Константинополь».

Таким образом, оценки Н. С. Гумилева во многом традиционны: восхищение искусством, красотой, природой Италии, уважение к ее древним университетам, но в то же время умение подметить сложности. Интересно, что Рим поэт видит сквозь призму мифа о происхождении вечного города: волчица и два младенца – Ромул и Рем. По нашим наблюдениям, оценка характеризует не только оцениваемое, но и в большей мере оценивающего. С этой точки зрения русский поэт предстает человеком внимательным, безусловно талантливым, эрудированным и доброжелательным.

Россию и Италию связывали непростые отношения: итальянские легионы воевали против нашей страны еще в составе войск Наполеона, пятнадцатитысячный сардинский корпус высадился в районе Севастополя во время русско-турецкой войны 1853–1854 гг., итальянские войска были противниками советских войск во время Великой Отечественной войны, в частности, на Украине. Вопреки указанным фактам никакой ненависти и даже неприязни нет. Наши современники, пусть не в такой яркой художественной форме, как Н. С. Гумилев, видят солнечную Италию прекрасной, восхищаясь ее культурой и искусством, хотя грязь в Неаполе стала социальной проблемой этого города.

Учитывая сказанное, очень интересно было бы проследить, как видят нас итальянцы. Думается, текстов, посвященных нашей стране и нашему народу, в Италии значительно меньше, чем у нас, однако проблема актуальна и заслуживает изучения в рамках нарождающейся науки лингвоимагологии.

Подчеркнем, что перечень проблем не конечен, лингвоимагология находится в стадии становления, поэтому возможно и необходимо ее дальнейшее развитие.

Методами лингвоимагологии являются описательный и сравнительный.

Закономерно возникает вопрос о материале для анализа. Литературоведы исследуют мемуары и публицистику. Мы считаем необходимым обратиться, помимо указанных источников, к историографии, путевым заметкам и, конечно, художественным текстам, потому что поэт может увидеть мир самым неожиданным образом: «И такие смешные верблюды, С телом рыб и головками змей, Как огромные, древние чуда Из глубин пышноцветных морей» (Н. С. Гумилев).

И еще один важный момент: видение народа и страны в течение времени может меняться. Так, например, в творчестве Н. С. Гумилева, на тексты из произведений

которого мы опирались, флибустьеры описываются романтически-положительно, современная их оценка иная. Для полноты представления исторический аспект очень важен. Не случайно Ю. М. Лотман подчеркивал: «Прошлые состояния культуры постоянно забрасывают в ее будущее свои обломки: тексты, фрагменты, отдельные имена и памятники. Каждый их этих элементов имеет свой объем «памяти», каждый из контекстов, в который он включается, аккумулирует некоторую степень его глубины» [4; 621].

Лингвоимагология тесно соприкасается с этнолингвистикой, лингвокультурологией, литературоведением, межкультурной коммуникацией, когнитивной лингвистикой, историей, в некоторой степени географией и политологией, но наиболее она близка стилистике, поскольку, как следует из названия, актуальна именно лингвистическая интерпретация образа другой страны и ее народа. Проблеме образа посвящена большая литературоведческая литература, но языковеды тоже не обошли ее стороной.

Опираясь на изложенное выше, предложим в самых общих чертах перечень проблем, которые целесообразно рассмотреть в спецкурсе, посвященном лингвоимагологии: I. Лингвоимагология как новое направление языкознания: 1) объект, предмет, метод, материал; 2) отграничение от смежных наук; 3) проблема образа. II. Видение чужой страны и ее народа в текстах определенного автора, например, выдающимся поэтом и страстным путешественником Н. С. Гумилевым (страны в целом, города, животный и растительный мир, традиции и нравы Азии, Европы, Африки), Н.В.Гоголем, Н.М.Карамзиным и др. III. Ретроспективный анализ. Например, Кавказ в художественных текстах XVIII – XIX вв. (Г. Р. Державин, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой); XX в. (И. А. Бунин, А. И. Приставкин, Б. Ахмадулина). IV. Самооценка своей страны и своего народа (Д. С. Мережковский, Г. Белль). Естественно, перечень стран и авторов можно расширять до бесконечности.

Таким образом, в ходе изучения лингвоимагологии у студента формируется новый взгляд на другие страны и народы – заинтересованный, уважительный. Узнав о традициях общения родного народа с другим, студенту будет легче знакомиться с новыми странами. Одна из главных задач спецкурса – сформировать у слушателей толерантное отношение к иным народам и государствам. Все указанное представляется очень важным в подготовке эрудированного патриотически настроенного филолога, журналиста, уважительно относящегося к другим народам и странам.

Список литературы

1. Бунин И. А. Темные аллеи. Рассказы. 1931 – 1952. Собрание сочинений в 9-ти томах, т. 7. – М. : «Художественная литература», 1966. – 399 с.
2. Гоголь Н. В. Собрание сочинений в 6 томах, т.6. Избранные статьи и письма. «Государственное издательство художественной литературы. – М., 1950. – 359 с.
3. Гумилев Н. С. Стихи. Письма о русской поэзии. – М.: «Художественная литература, 1990. – 447 с.
4. Лотман Ю. М. Семиосфера. / Ю. М. Лотман – С.Петербург : «Искусство – СПб», 2001. – 701 с.
5. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах, т. VI. Критика и публицистика. – М., 1962. – 590 с.

Иванова Л. П. Про доцільність спецкурсу з лінгвоімагології у системі підготовки філолога та журналіста // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.182-187

У статті обґрунтовується доцільність курсу лінгвоімагології у підготовці сучасних філологів і журналістів. Об'єкт лінгвоімагології – вербальне втілення образу народу чи держави в мовній свідомості представників іншого народу чи держави. Предмет – оцінка, стереотипи, прецедентні феномени, паралінгвістична ситуація, історичні події та їх учасники та ін. Матеріалом слугують епістолярій, мемуари, путшові нотатки, художні тексти. Методи – описовий та порівняльний. Як приклад аналізується бачення міст Європи (насамперед Італії) Н. С. Гумільовим, що є варіантом національного сприйняття – інваріанта.

Ivanova L. On the problem of the special course of lingvoimagology in the system preparation of philologists and a journalists // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.182-187

The article explains the appropriateness of the course of lingvoimagology in preparation system of modern philologists and journalists. The object of lingvoimagology is a verbal presentation of the image of a country or the people in the linguistic consciousness of other peoples. The subject is evaluation (cities, architecture, outstanding personalities, some people (nation), its representatives and a country as a whole, its landscape, also a geographical, political, cultural and social formation), stereotypes, precedent phenomena, paralinguistic situation, historical events and their participants and so on. The material for lingvoimagological analysis can be taken from itinerary, letters, literary texts, memoirs. Methods are descriptive and comparative ones. As an example, the N. Gumilev's perception of European cities (especially Italy) is analyzed that is a variant of the national perception that is an invariant.

Based on the foregoing, we will offer in the most general terms, a list of issues that are appropriate to consider in a special course of lingvoimagology: I. Lingvoimagology as a new branch of linguistics : 1) object , subject, method, material; 2) delimitation from adjacent sciences; 3) the problem of image. II . Vision of a foreign country and its people in the texts of a definite author, for example, in the works of the outstanding poet and a passionate traveler N. Gumilev (countries, cities, flora and fauna, traditions and customs of Asia, Europe, Africa), or N. Gogol, N. Karamzin etc. III. A retrospective analysis. For example, the Caucasus in the texts of XVIII – XIX centuries (G. Derzhavin, A. Pushkin, M. Lermontov, L. Tolstoy); XX-th century (I. Bunin, A. Pristavkin, B. Akhmadulina). IV. Self-esteem of one's country and people (D. Merezhkovskij, G. Bell). The list of authors and countries can be extended.

Поступила в редакцію 10.05.2014 г.